

«Немеркнущий образ властителя экрана»

Творчеству замечательного французского актера Жана Габена была присуща способность настолько глубоко вживаться в создаваемый им образ, что зачастую они становились неотделимы друг от друга. Прошло десять лет со дня смерти Габена, но не меркнет память о великом мастере экрана и человеке высоких душевных качеств.

Жан Габен и Мишель Морган в фильме «Набережная туманов».

«Селексьон», Париж.

Уго КАЗЕРАГИ

«УНИТА», РИМ.

В КОНЦЕ 1976 года в парижской больнице в возрасте 72 лет скончался Жан Габен, самый популярный киноактер Франции. Его друг, поэт Жак Превер (1900—1977), посвятил ему ставшие знаменитыми стихи «Жан Габен, парижский трагик, джентльмен кинематографа...»

Габен всегда был верен своим друзьям и никогда не менял привычек. У него были любимые и постоянные операторы и звукорежиссеры, любимые авторы, например, Превер, написавший для него сценарии фильмов «Набережная туманов» и «День начинается», или Сименон, с которым он создал трилогию о Мегрэ. Среди близких ему режиссеров прежде всего следует назвать Дювивье (1896—1967), Ренуара (1894—1979) и Карне. Они начали снимать Габена в тридцатые годы; Дювивье продолжал работать с ним и во

время войны, хотя голливудский период его творчества нельзя назвать успешным. После войны Габен снимается у Карне («Воздух Парижа») и у Ренуара («Французский канкан»).

До последней возможности Габен хранил верность черному кино, чувствуя себя здесь в своей стихии. В подборке, показанной по телевидению, где гармонично сочетаются отрывки из фильмов начала пути и последующих этапов, так что перелом между ними становится менее заметным (хотя перелом был, и, по собственному признанию актера, перелом болезненный), нет ни единого цветного кадра. В цвете Габен снимался неохотно, в 50-е годы он соглашался на это, только когда речь шла о костюмных, постановочных фильмах, как, например, «Французский канкан», где он танцует, как в юности, или в фильме Ле Шануа «Отверженные», где он играет Жана Вальжана.

Контраст черного и белого был свойствен ему как лич-

ности. В «День начинается», держа в руке плюшевого мишку влюбленной девушки, он смотрится в зеркало и признает, что один глаз у него веселый, другой грустный. То же противоречие свойственно многим его героям: чем более мужественными они представляются, тем более хрупкими оказываются на самом деле.

У молодого, непосредственного и яркого Жана Габена 30-х годов простота повадки, естественность жестов и слов, бросаемых как бы мимоходом, непринужденно, сочетались с выразительностью взгляда, с удивительно фотогеничной внешностью, необыкновенной ясностью глаз. Сыгранные им герои-пролетарии становились легендой. Будучи оскорблен в своих лучших чувствах, пер-

сонаж, которого играл Габен, — простой рабочий, мгновенно и легко переходил от сдержанной, негромкой манеры, от полупешоты, которым его научил разговаривать Ренуар, к резким вспышкам гнева против своих врагов, таких, например, как предатель в картине «Пепеле Моко» или гнусный собаколов Жюль Берри в «День начинается». Этот священный гнев обращался против самого себя, например, в случае с больным железнодорожником в ленте «Человек-зверь» или в эпизоде самоубийства в фильме «День начинается». В этом незабываемом крике, обращенном в 1939 году из окна последнего этажа к проходящим внизу людям, к толпе таких же рабочих, как и сам герой, слышалось отчаяние по поводу рухнувших идеалов Народного фронта и предчувствие надвигающейся войны.

Именно эти темы сформировали образ героя-пролетария, воплощенный Габеном. Уже в «Дружной компании» братство «дало трещину», в «Великой иллюзии» была пережита первая мировая война. Но Ренуар, в отличие от Дювивье и Карне с Превером, не был пессимистом. В его картинах Габен боролся за свое будущее: он совершал побег из концлагеря, он стремился обрести родину и свободу.

В фильме «Навстречу жизни» Габен играет неудачливого вора, проникающего ночью на виллу барона, которому грозит разорение, и потому решившего закончить счеты с жизнью. Свое самоубийство он решил обставить по-царски: закатить последний роскошный пир с морем шампанского. Крупнейшему актеру кино здесь противостоит крупнейший актер театра. Поначалу Луи Жуве (1887—1951) словно подавляет своего партнера и дикцией и мимикой. Но когда Габен начинает излагать уже типичным для него негромким и обыденным говорком свою философию ночлежника (в фильме использованы приспособленные к французской действительности мотивы горьковской пьесы «На дне»), акте-

ры как бы меняются ролями. Ни в чем не привыкший себе отказывать прожигатель жизни с изумлением слушает рассказ своего нового друга о том, как хорошо поспать на траве хоть раз в жизни. Так, заядлый игрок, утонченный сноб, эгоист до мозга костей, которого бесподобно изображает Жуве, ощущает нелепое, абсурдное, но совершенно неодолимое желание испытать эту новую, неведомую ему жизнь: и благодаря этому неотразимо обаятельному жулику самоубийство откладывается на неопределенный срок.

В чем же состоял «секрет» Жана Габена? Может быть, в отсутствии такового: он умел просто и непосредственно совмещать актерскую игру с собственной жизнью. В интервью, данном незадолго до смерти, он, уже старик, улыбается, как мальчишка, вспоминая своих многочисленных партнеров, и вдруг восклица-

ет: «Я обожаю актеров!» Чувствуется, что этот высочайший профессионал, о бешеных вспышках которого (когда что-то не давалось во время съемок) ходили легенды, этот «медведь» любил своих собратьев по ремеслу, особенно, характерных актеров, занятых в скромных, «вторых» ролях, работавших так же честно, с такой же отдачей, как и он. Обуржуазившийся, рафинированный Габен, игравший великосветских жуликов в «Грисби» или в «Сильных мира сего», сохранил верность товарищам по профессии, свойственную ему еще в те годы, когда его атрибутами были рабочая спецовка, кепка и велосипед.

К счастью, фильмы с участием Жана Габена за прошедшие десять лет не сходили с экранов, особенно телевизионных. Поэтому можно утверждать, что и новым по-

колениям он так же хорошо знаком, как нам. К сожалению, никто не стал его наследником, никто не смог его заменить. Это особенно заметно, когда смотришь фильмы, где он играет в паре с Бельмондо или с Делоном.

Состарившись, Габен сумел не растерять свойственную ему жизненную силу и направить ее на раскрытие новых граней своего таланта. Не потерял он и своего неподражаемого обаяния. Он любил свою работу, занимался ею всю жизнь, это было единственное, что он умел делать и делал как нельзя лучше. Он не был чудом, он был профессионалом высочайшего класса, характерным актером на первых ролях с непрекращаемой властью над публикой. Сейчас, по прошествии многих лет, кажется, что его образ властителя экрана ничуть не померк. Скорее наоборот.